

вершишь въ Весприминстерскомъ Аббатствѣ, гдѣ оспанки моего дѣда должныствовали бытъ погребены.

Что подобное совокупленіе споль противоположныхъ церемоній не устрашило споль чувствительнаго существа, какъ Марія, — это было непослѣднее изъ удивительныхъ обстоятельствъ моей плачевной жизни; по Марія была прикована къ той же цѣпи, которая меня увлекала. Сверхъ того мы думали, что Г-жа Порсель не получитъ ни малѣйшаго подозрѣнія о произходившемъ, благодаря ужасной выдумкѣ, заспавившей насъ совокупить свадьбу съ похоронами.

ГЛАВА VII.

Погребальное шествіе плынуло къ воротамъ Аббатства, когда на башнѣ пробило семь часовъ. Когда служба была отправлена и погребеніе кончилось, тогда пріятели моего дѣда, спекшися отдать ему послѣдний долгъ дружбы, разошлись; Генераль Порсель и я также вышли изъ церкви, по вмѣсто того, чтобы ити къ каретѣ, въ которой прѣѣхали, мы отправились къ одной изъ часовенъ. Сайденгемъ не былъ на похоронахъ; онъ дожидался съ Маріей и одною изъ молодыхъ ея подругъ въ какомъ-то домѣ Абигедонской улицы. Какъ скоро кампажка и всѣ принадлежности похоронъ были вынесены изъ Аббатства, Сайденгемъ и дѣвицы вошли въ церковь дверми Poet's corner.

Кромѣ священнослужителя, долженствовавшаго пасъ соединить, и соборныхъ причетниковъ, не было никого изъ зрищелей. Суга мой, Богъ вѣсть по какому непостижимому вліянію, спалъ у дверей, чтобы предупредить всякое постороннее впоржение во время совершенія обряда; по вѣту минуши, когда я надѣвалъ обручальное кольцо на палецъ Маріи, онъ прибѣжалъ къ намъ съ шакою широкивостню и такими выраженіемъ ужаса на лицѣ, что я испугался прежде даже, чѣмъ онъ началь говорилъ. Въ то же мигъ, Марія вскрикнула отъ спраха, ибо матерь ея вѣжала въ церковь, блѣдная, съ разпрѣсаными волосами, въ припадкѣ изступленія, и закричала: «Я пропишилось этому браку! — «Братъ и сестра! — Братъ и сестра!....» — Я ничего больше не слыхала. — Огромное зданіе зашаталось вокругъ меня, столбы и гробницы какъ будто обрушались надъ моей головою, и опинуда.....

Здѣсь перерывъ въ моей памяти, здѣсь бездна въ моей жизни!....

Когда я очутился отъ душевнаго волненія, повергшаго меня безъ памяти на помостъ, то увидѣлъ себя въ моей комнатѣ; Сайденгемъ печально сидѣлъ подъ мною.

Я не сдѣлалъ ему никакого вопроса, только пожалъ ему руку.

— «Карена у воротъ», сказаъ онъ: «и я ѿду съ тобою.»

Я не опиѣчалъ ни слова; по вспомъ, ибо не быть раздѣлъ, и пошелъ за нимъ въ карету.

Десять лѣтъ пропекло съ этого ужаснаго утра, и никогда я не осмѣшивался спросить о послѣдствіяхъ онаго. Но однажды, штому два года, поѣхавъ Английское кладбище въ Лисабонъ, я прочелъ на одномъ гробовомъ камнѣ, коего буквы частнѣ сперлись отъ времени и случайныхъ причинъ, — надгробіе Маріи.

Оспальна повѣсть моей жизни есть только сѣченіе спираничества изъ края въ край безъ цѣли и предмета, смѣшанное съ грустными размышленіями... жизнь, проведенная въ несперимой горести наслѣдаго проявленія!

МАДОНА.

Сонетъ (*).

Не множеспомъ карпить спаринныхъ мастеровъ
Украсишь я всегда желаль мою обителъ,
Чтобъ сувѣрно имъ дивился поспишиль,
Внимая важному сужденью знаніоковъ.

Въ проспомъ углу моемъ, средь медленныхъ прудовъ,
Одной карпины я желаль быти вѣчно зришель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и пашъ Божесиженный Спасишиль,—

— Она съ величиемъ, Она съ Разумомъ въ очахъ —
Визири, кропкіе, во славѣ и въ лучахъ.
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сиона.

Неполнились мои желанія. Творецъ
Тебя миѣ пизпослали, тебѣ, моя Мадона,
Чиспѣшней прелестни чиспѣшней образецъ!

A. Пушкинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЕ АЛЬМАНАХИ НА 1831 ГОДЪ.

Деница, Альманахъ на 1831-й годъ, изданный М. Максимовичемъ. — Москва, въ типогр. Августа Семена, при Императорской М-

(*) Сонетъ сей, по желанію Поэзпа, перепечатывается здѣсь изъ Альманаха: Сиротка, въ копоромъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкой въ седьмомъ стихѣ:

Одной, чтобъ на меня съ холста иль съ облаковъ....

Это нарушило смыслъ подлиннаго стиха.